

УДК 343.9.01

DOI: 10.17223/22253513/42/2

Р.Л. Ахмедшин, Н.В. Ахмедшина

СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕОРИИ ПРИЧИННОСТИ ПРЕСТУПНОСТИ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Раскрывается алгоритм оценки исследовательской ценности отдельных теорий причинности преступлений террористической направленности. В рамках различных исследовательских школ сформировалось несколько основных направлений, объясняющих причины существования таких преступлений. В большинстве своем эти теории убедительны и в теоретическом, и в эмпирическом аспекте, что делает проблематичным объяснение их большого числа. Результатом проведенного исследования выступил анализ сильных и слабых сторон социальных теорий причинности рассматриваемых преступлений.

Ключевые слова: терроризм; криминологическая теория; террористическая направленность

Нельзя изучать объект высокой степени абстракции и надеяться на получение практикоценного результата. Чем более общим является понимание объекта исследования, тем менее результативно его исследование. Чем больший круг исследуемых феноменов включает исследуемый объект, тем более общими будут выводы проводимого исследования. В силу сказанного упоминание о том, что терроризм – это явление сложное и многоаспектное, будучи объективным, тем не менее психологически программирует исследователя на неудачу.

Вера в правоту одной теории так же необъективна и нелепа, как и вера в то, что единой детерминанты для конкретной группы нет, а есть сложный комплекс причин, который в силу своей сложности познаваем на уровне высокой абстракции. Смешна убежденность исследователей, что применительно к разнородной группе лиц эффективно понимание лишь в одном аспекте – биологическом, социальном или личностном. Такое понимание целесообразно в исследовании только достаточно однородной группы: не всех преступников-террористов, а преступников-террористов определенного типа.

В целях объективизации подвергнем анализу основные социальные теории причинности преступности террористической направленности. К *группе социальных теорий причинности* преступности террористической направленности следует отнести теорию субкультур, экономическую теорию, радикальную (критическую) теорию и теорию мифа.

Одним из ранее не распространенных критериев оценки социальных теорий причинности будет ее ангажированность, критерий хоть и субъективный, тем не менее крайне значимый для признания теории. *Политическая*

ангажированность – соответствие запросам и мировосприятию наиболее активных социальных групп, формирующих социальный заказ науке от общества. *Доктринальная ангажированность* – соответствие интересам и основным положениям доктрины как источника права и правовой науки.

Оговорим еще ряд моментов:

– Теория аномии Эмиля Дюркгейма к терроризму неприменима. В рамках данной теории одним из базовых утверждений является мысль о том, что преступление может быть фактором интеграции общества, укрепления социальных связей. Сложно увидеть интегративную, социальную составляющую в современном революционном терроризме, как сепаратистском, так и тем более в терроризме экспансионистском.

– Теория дифференцированной связи Эдвина Сатерленда и Дональда Кресси в отношении терроризма неприменима. Основной постулат данной теории гласит, что чем больше человек взаимодействует с криминальной средой, тем выше вероятность его антиобщественной зараженности. Однако тезис о том, что большинство террористов являются выходцами из криминальной или околокриминальной среды, ничем не подтверждается, даже если говорить только об уровне рядовых членов террористических организаций.

1. Теория субкультур

Содержание теории. Традиционно, говоря о теории субкультур, исследователи имеют в виду такое объяснение причин преступности, в котором основным движущим фактором выступает наличие социальных стратосов, обладающих системой общественного поведения и ценностей, существующих отдельно от господствующей системы поведения и ценностей и являющихся все же частью этой центральной системы. По мнению сторонников данной теории, «одним из социально-психологических оснований, способствующих вступлению человека на террористический путь, является низкостатусное положение группы, с которой индивид себя идентифицирует, притом нет надежды на какие-либо существенные изменения в ближайшем будущем» [1. С. 109].

Учитывая, что «криминология оказывается в самоналоженном научном карантине, когда приходит понимание возможной связи между расой и поведением» [2. Р. 137], исследования в этом направлении сегодня маловероятны, хотя и признаются актуальными.

В целом «либеральная культурная теория предполагает, что преступление является коллективным проявлением отчаяния тех, кто маргинален в современном обществе» [3. Р. 172]. Связь преступлений террористической направленности с социокультурными или экономическими факторами сейчас фактически не оспаривается.

Между тем, если рассматривать субкультуру не в социальном и экономическом, а исключительно в цивилизационном аспекте, данная теория может объяснить феномен преступлений террористической направленности, как и любую форму асоциального поведения.

Субкультурные группы делят часть морально-этических норм с господствующей культурной традицией (цивилизацией), сохраняя и собственные нормы поведения и ценности. Сегодня официальная культура формально пропагандирует монотеистические нравственные ценности (идеи добра). Однако параллельно с официальной культурой в современном обществе давно и прочно сложилась параллельная культура зла (культура элиты общества), предполагающая к примеру, активный интерес обывателей к творчеству (живописи, графика) лиц экстремистской ментальности, выдаваемому за элемент культуры [4. Р. 8]. Не пропагандируя принципы карательной психиатрии, мы уверены, что в будущем связь между психической неадекватностью и «современным искусством» будет исследоваться на научном уровне.

Агрессия как одна из системообразующих идей современного общества конкуренции и потребления в значительной степени предопределяет мировосприятие и поведение обычных граждан. Рост преступности, уровня семейного насилия, социальной и сексуальной агрессивности – явления одного порядка и следствие избыточного уровня агрессии, свойственного современности. Террористические акты, как и серийные преступления, выступают конечным результатом развития культуры «оборотней», конечным уровнем морального ослушания, исходящего из эгоистических интересов.

Необходимо также учесть, что современная система образования, в том числе и отечественная последних двух десятилетий, не способствует интенсивному росту интеллекта популяции, что усиливает неспособность сопротивляться агрессивным установкам, а значит, предопределяет рост преступности, в том числе, естественно, и террористической направленности.

«59,7% опрошенных студентов заявили, что способны совершить агрессивное противоправное действие» [5. С. 119]. Заявили, не скрывая и без стеснения. Все это вписывается в рамки последней разновидности теории субкультуры, выдвинутой М. Фольфгангом и Ф. Ферракути в 1967 г. и получившей название теории насилия, в рамках которой представители субкультуры идентифицируют себя с насилием, не являющимся для них ни запретным, ни вызывающим ощущения вины.

Типовой образ преступника-террориста, вытекающий из содержания теории. Преступник-террорист, чье поведение обусловлено обстоятельствами рассматриваемой теории, должен выступать убежденным носителем альтернативной морали (религиозной, политической, культурной), базирующейся на отрицании монотеистической идеи добра. Человек, исповедующий философию сверхчеловека и презирающий жертв своих преступлений. Среди исследованных преступников-террористов значений высокой и выше среднего моральной нормативности (стремление к соблюдению общепринятых правил поведения) выявлено не было (0%). Большинство опрошенных обладали этим параметром на уровне ниже среднего (60%), 25% имели средний уровень, а 15% показали низкий уровень моральной нормативности [6. С. 58]. Таким образом, мы явно имеем дело с выраженным девиантным вектором нравственной ориентированности отдельной субкультуры.

Лица, криминальное поведение которых можно объяснить в рамках теории субкультур, не склонны к сокрытию своей жизненной философии и асоциальности образа жизни, о чем в литературе уже говорилось [7. С. 72]. Значительная часть преступников-террористов низового уровня, своеобразные «рабочие лошадки» террористического движения, гармонично вписываются в теорию субкультур.

Теоретическая состоятельность и ценность. Утверждение, что в основе асоциального поведения лежат не социальные и экономические, а культурные условия существования человека, опираются на философские воззрения подавляющего большинства религий. Выбор правильной и неправильной морали составляет одно из системообразующих прав человека в таких религиях, как христианство, зороастризм, ислам; следовательно, природа этого выбора изучается уже давно.

Иным аспектом теоретической ценности рассматриваемой теории является распространенное и нашедшее широкое подтверждение в различных научных теориях положение о влиянии на конкретного человека внешних условий, в которых он существует. Человек есть совокупность общественных отношений. Культура же общества выступает одним из таких базовых элементов, формирующих реальность человеческого существования.

Учитывая длительную историю человечества, имеющего богатый опыт осмысления проблем выбора между добром и злом, теоретическую состоятельность рассматриваемой теории можно считать достаточной.

Не будем тем не менее забывать о традиционной критике теории субкультур, которая сосредоточена на сложности формализации используемых в ней понятий. Действительно, в рамках данной теории непросто определить и измерить те «оценки», которые должны способствовать или препятствовать совершению преступлений, что актуализирует продолжение исследований.

Практическая ценность и область применения. Рассматриваемая теория является преимущественно объяснительной. Использование положений теории субкультур применительно к преступлениям террористической направленности позволит лицам, определяющим политику государства, оценить социальную опасность конкретных социальных групп. Эти же свойства представителей рассматриваемых социальных групп послужат фрагментами поискового профиля неизвестного преступника.

Эмпирическая состоятельность. Статистика показывает, что существует значительная группа преступников-террористов, исповедующих философию силы, сверхчеловека, философию агрессии, в том числе сексуальной. Маскулинность образа преступника-террориста находит отображение в значительном количестве представителей этой криминальной группы. Таким образом, применительно к преступникам-террористам низового уровня эмпирическая состоятельность данной теории очень высока.

Сильные стороны теории – исчерпываемость объяснений, естественная логичность, простота.

Слабые стороны теории проистекают из неоднозначности феномена культуры, сложности оценки ее влияния как процесса не разового, а растя-

нутого во времени, характеризующегося различной интенсивностью и многообразием форм проявлений. Не способствуют широкому признанию также отсутствие в рассматриваемой теории причинности преступности террористической направленности материального носителя, ее слабая связь с естественно-научными областями знания, а следовательно, частая голословность утверждений, порой прячущаяся за неоднозначными статическими данными.

Политическая и доктринальная ангажированность. Политическая ангажированность крайне высока, так как не предполагает существования реального виноватого (конкретного лица или властной структуры), что автоматически переносит вину с государства на общество. Обвинение современной культуры в «некультурности», не предполагающее производство выводов, – одна из любимых тем общественных деятелей и медийных субъектов. Доктринальная ангажированность низка, так как в условиях современного индустриального общества крайне непопулярна идея цензуры агрессивности в СМИ и художественных произведениях. Исключением является избирательная и ритуализированная практика формальных локальных запретов на излишнюю агрессивную атрибутику в культурных произведениях (возрастные рейтинги, ретуширование произведений, абсурдная социальная реклама на фоне окружающей агрессии).

Учитывая же, что культура есть отображение экономических процессов, как-то корректировать первое без коррекции второго невозможно, а корректировать экономические процессы в целях достижения второстепенных задач (борьба с преступностью) нереально.

Современное состояние и перспективы развития – на уровне многократного повторения общеизвестных фактов, которое ввиду политической и доктринальной ангажированности не предполагает дальнейших серьезных перспектив развития.

2. Экономическая теория

Содержание теории. Основатель рассматриваемой теории Г. Беккер применил подход теории человеческого капитала к ситуации выбора, который стоит перед потенциальным преступником: совершить преступление или заниматься легальной деятельностью.

Преступное поведение как поведение экономическое, системно направленное на прибыль, характерно для целых групп преступного поведения начиная от коррупционных преступлений до преступлений экономических. Тем не менее террористическую деятельность как разновидность экономической деятельности рассматривает мало кто из исследователей, это происходит прежде всего из установки на демонизацию террористической деятельности в рамках официальной пропаганды современных государств.

Типовой образ преступника-террориста, вытекающий из содержания теории. Преступник-террорист, чье поведение обусловлено обстоятельствами рассматриваемой теории, характеризуется рациональным отноше-

нием к террористической деятельности, критически оценивая риски и используя эффективные действия независимо от их моральной составляющей. Данному образу в наибольшей степени соответствует образ полевых командиров в террористических группах, т.е. лиц, осуществляющих оперативное управление террористическим формированием. Руководство террористической группой в контексте решения оперативных задач управления предполагает корыстно заинтересованных лиц, не склонных к личностным расстройством и избыточной идейной вовлеченности в декларируемую сферу целей террористического движения.

По мнению ряда авторов, лицами, криминальное поведение которых можно объяснить в рамках экономической теории, выступают рядовые исполнители террористических актов, нижний организационный уровень террористической группы. Возможно, в этом и есть рациональное зерно применительно к выходцам из экономически неразвитых территорий, однако данное утверждение сегодня пока еще не доказано и нуждается в последующих исследованиях.

Теоретическая состоятельность и ценность. Утверждение, что в основе асоциального поведения лежат экономические условия существования человека, опираются на громадный пласт социологических и психологических исследований. Любой криминолог признает корысть как одну из ведущих составляющих структур человека преступного. Скажем больше: для современного рыночного общества корысть – наиболее базовый механизм, определяющий поведение обывателя. Протестантская мораль как предтеча морали современного индустриального общества поощряет корысть современного человека, конечно, предварительно терминологически замаскировав ее исходное название. Если идеалы материального обогащения так близки обывателю, то что требовать от деклассированных, криминальных или асоциальных групп населения. Утверждение о том, что преступник склонен выбирать преступную деятельность, если ее ожидаемая полезность превышает полезность от гарантированного дохода, полученного законным путем, обладает высокой степенью теоретической состоятельности, что выводит экономическую теорию применительно к явлению терроризма в ряд наиболее объективных.

Практическая ценность и область применения. Рассматриваемая теория является предельно прикладной, перенося акцент противодействия террористической преступности со средств, пусть и привлекательных для обывателя в силу зрелищности (перестрелки и поиски злых психопатов, смертников и неадекватных личностей), на эффективные удары «по карману» террористического движения. Контроль банковской деятельности – смертный приговор современному терроризму. Вероятно, именно поэтому эти средства мало распространены в практике противодействия современному терроризму.

Эмпирическая состоятельность. Современный терроризм тесно переплетен с феноменом наемничества, что полностью подтверждает эмпирическую состоятельность рассматриваемой теории.

Сильные стороны теории – исчерпываемость объяснений, естественная логичность, простота.

Слабые стороны теории проистекают из игнорирования той эфемерной материи гетеростаза (стремления системы к саморазвитию), которая составляет если не основу, то дух человеческого развития, пусть и не на уровне каждой отдельной особи. Идеологические аспекты вполне могут существовать независимо и даже вопреки корыстной составляющей, что нам активно демонстрирует история революционного движения. Правда, бескорыстность как движущая сила личности террориста – явление пусть и частое, но не доминирующее, что возносит экономическую теорию на пьедестал применительно к террористической активности.

Политическая и доктринальная ангажированность. Политическая ангажированность крайне невысока, так как не предполагает ранее упомянутой демонизации преступника-террориста и террористического движения в целом. Теория косвенно уменьшает современные социальные страхи, которые, как известно, являются эффективным инструментом манипулирования популяцией любого государства.

Доктринальная ангажированность достаточно велика, особенно в нашей стране, в которой исторически экономический базис воспринимался как нечто системообразующее и бесспорное, чего до сих пор не может поколебать даже заимствование далеких от реалий современных криминологических теорий преступности.

Современное состояние и перспективы развития. Экономические интересы и корыстная мотивация на уровне корпоративном, а именно этого уровня достигли современные транснациональные террористические организации, мало изучена в научной литературе. Перспективы развития данной теории, несмотря на громадный научный потенциал, мы оцениваем как незначительные.

3. Критическая (классовая) теория

Содержание теории. Критическая (классовая) теория основана на системном конфликте в борьбе за власть, будь то власть экономическая или производная от нее власть политическая. Данная теория базируется на утверждении, что криминализируется поведение тех, кто лишен власти, теми, кто ее имеет.

Прежде всего призовем быть осторожными с терминами и не лепить ярлыки на направления научного поиска. Критическую криминологию часто называют по-другому – радикальной. Название радикальной теории было сформулировано на западе в период борьбы с коммунистическими воззрениями ее оппонентами. Очень печально, что в отечественной науке ряд исследователей в угоду либеральным настроениям и некритическому заимствованию продолжают называть данную теорию радикальной, продолжая линию исследовательского абсурдизма 90-х гг. XX в.

В рамках критической криминологии исследователями установлено, что рыночное государство не борется с преступностью, а управляет ею

(Хаферкамп). Критическая криминология критикует фетишизацию свобод, ратуя за повышение жизненного уровня популяции как эффективное средство противодействия преступности.

Типовой образ преступника-террориста, вытекающий из содержания теории. Преступник-террорист, чье поведение обусловлено обстоятельствами рассматриваемой теории, должен выступать убежденным борцом с политической системой, против которой он восстает. В рамках критической теории преступник-террорист – это бунтарь и борец за свободу. Его деятельность бессмысленно списывать на террор среды, в которой он сформировался, а его террористическая деятельность – внешнее отображение его жизненной позиции. Вероятно, этот образ типичен для террористов прошлого века, действовавших в рамках национально-освободительных движений, актуальность которых сегодня не стоит переоценивать.

Анализ личности террориста демонстрирует количество убежденных, некорыстных, целостных личностей среди террористов в остаточных количествах. Несмотря на невысокую встречаемость данного типа террористов, необходимо понимать его крайнюю опасность по сравнению с лицами, чье поведение детерминировано корыстной или асоциальной составляющей.

Теоретическая состоятельность и ценность. Утверждение, что в основе асоциального поведения лежат экономические условия существования человека, опираются на громадный пласт социологических и психологических исследований. Экономические процессы на макроуровне продолжают определять принципы и механизм существования современного общества. Марксистская критика современных воззрений вступает в эпоху своего ренессанса и имеет все шансы снова стать доминирующей идеологией, даже когда будет запрещена как экстремистская. Однако сказанное будет объективным, только если явление терроризма объективно обусловлено и не является результатом режиссирования спецслужбами.

Практическая ценность и область применения. Рассматриваемая теория является преимущественно объяснительной. Использование положений классовой теории применительно к преступлениям террористической направленности позволит лицам, определяющим политику государства, оценивать «градус кипения» в обществе и степень готовности невластьимущих защищать свои права насильственными способами, в том числе и посредством террористической деятельности.

Эмпирическая состоятельность. Статистика показывает, что существует незначительное количество преступников-террористов, исповедующих террористическую деятельность вне контекста непосредственного достижения личных благ (речь не идет о террористах-смертниках), – так называемые идейные террористы, террористы-фанатики. Таким образом, даже применительно к преступникам-террористам низового уровня эмпирическая состоятельность данной теории на сегодняшний день очень невысокая.

Сильные стороны теории – исчерпываемость объяснений, естественная логичность, простота, доходящая до примитивизма.

Слабые стороны теории проистекают из несколько изменившейся структуры современного общества, требующей пересмотра ряда воззрений классического марксизма. Как это ни парадоксально, но идея бунта невластимущих полноценно не исследовалась даже в советский период, так как изучение природы отношений власти и невласти применительно к собственному государству фактически табуируется в любом государстве.

Политическая и доктринальная ангажированность. Политическая ангажированность крайне невысока, так как противоречит вере в либерально-рыночную парадигму как базис экономической составляющей.

Доктринальная ангажированность также низка, вероятно, в силу исследовательской «усталости». Поколение исследователей, проповедовавших в молодости марксистскую парадигму, от нее устало и ищет псевдообъяснений в иных системах мировоззрения, доходя до «махрового» идеализма. Новое же поколение исследователей с марксистской парадигмой мало знакомо, так как она слабо отражена в современных исследованиях. Замкнутый круг.

Современное состояние и перспективы развития. Рассматриваемая теория ввиду ее крайней непопулярности в рамках рыночной ментальности, распространяющейся и на научную деятельность, на современном этапе игнорируется и имеет очень слабые перспективы развития.

4. Теория мифа

Содержание теории. В рамках многообразия подходов данной теории просто не может не быть. Пусть она, на поверхностный взгляд, имеет некоторый конспирологический оттенок, но целесообразность ее существование предельно высока.

Идеология любого государства встраивает в себя блок отношения к преступности – от непримиримого в коллективистских тоталитарных государствах [8. С. 87] до крайне либерального в современных индивидуалистических (либеральных индустриально развитых) государствах. В последнем случае наблюдается фактическое существование двух систем правосудия – для элиты и ее окружения и для остальных граждан. В отечественной науке, например, принято, рассматривая феномен коррупции, приписывать его детерминанты или текущей власти, или обществу (нации) в целом. Без сомнения, данные утверждения не имеют под собой никакой основы. Феномен коррупции является естественным и распространенным во всех индустриально развитых государствах, просто в некоторых с ним борются эпизодически в рамках информационных кампаний (например, КНР), а в либеральных (страны Европы и Северной Америки, Россия) только создают видимость борьбы, ограничиваясь политикой контроля той или иной степени «мягкости». Борьба с преступностью в современном индустриальном государстве подрывает ее экономический базис, так как преступность тесно интегрирована в экономику государства.

Доказательством фактического отсутствия намерений борьбы с преступностью является феномен ротационной пенитенциарной системы.

Ротационная пенитенциарная система – предельно интересный феномен, который выступает нормой для индустриально развитых демократий с начала XX в. Прежде всего перед данной пенитенциарной системой стоит задача поддержания высокого уровня ротации криминального контингента в социуме, тем самым решая ряд подзадач. К числу подзадач относятся: поддержание стабильно высокого уровня преступности в государстве, обеспечение рабочих мест в правоохранительной вообще и в пенитенциарной в частности системе для законопослушных граждан, внедрение в социум центробежных идей, формирование альтернативной правопослушному поведению ментальности, создание образа внутреннего врага у обывателя. Задачи кары и исправления перед данной системой *de facto* не стоят, впрочем, как и постулируемая задача защиты прав и свобод. Основная задача рассматриваемой системы предельно утилитарна – поддержание преступности на таком уровне (как правило, достаточно высоком), который бы отвлекал от критичного восприятия деятельности власти. Справедливости ради отметим, что данная мысль высказана нами далеко не первыми, но обычно отечественные авторы относят ее только к реалиям нашей страны [9. С. 3], что ошибочно.

На данный момент в обществе активно, хотя порой и опосредованно, формируется и поддерживается страх перед двумя разновидностями преступности – террористической и серийной. И если создание страха перед серийными преступниками, прежде всего серийными сексуальными убийцами, насчитывает уже больше века, то терроризм как реальная угроза стал пропагандироваться в СМИ достаточно недавно.

Суть рассматриваемой теории в том, что террористическая деятельность как системное многоуровневое преступное сообщество (включающее банковские подструктуры и структуры спецслужб), группа преступников и как социопсихологический феномен не существует. Иными словами, сторонники данной теории отрицают системную координацию терроризма, заявляя о «неформальной общности террористов» [10. С. 7].

Сторонники теории мифа полагают, что на самом деле преступления террористической направленности представлены криминальными действиями разрозненных преступных сообществ, преследующих выраженно асоциальный характер. Действия этих разрозненных преступных сообществ СМИ пытаются подать как стихийные и однородные по своей зловещей природе, как деятельность социальных аутсайдеров, так называемую стратегию «безлидерского» сопротивления. Данная стратегия популяризировалась идеологом «белого превосходства», членом ку-клукс-клана Л. Бимом.

Международная координация террористического движения, по мнению сторонников теории мифа, – явление объективное, но базирующееся на организационной деятельности отдельной харизматической личности (Че Гевара, Бен Ладен и пр.), а не сформированных организационных структур под патронажем банковских структур и спецслужб отдельных государств. Переключение внимания обывателя на выдуманную уникальную угрозу – прием старинный, но в случае с преступниками-террористами особо эффективен в силу непонятности, кровавости и непредсказуемости.

Типовой образ преступника-террориста, вытекающий из содержания теории. Преступник-террорист, чье поведение обусловлено обстоятельствами рассматриваемой теории, – это случайный, доведенный неудачами жизни до крайности, преисполненный детскими, юношескими, возрастными или старческими комплексами человек, не имеющий своей правды, имеющий только широкий комплекс заблуждений. Также ярким маркером данной личности будут выступать склонность к непоследовательности в действиях, душевных метаниях и порывах (синдром Раскольникова), озлобленность и импульсивность. Необходимо понимать, что человек с грузом жизненных неудач, неустойчивый в своих взглядах и подверженный влияниям со стороны, не способен к эффективно долговому функционированию в рамках террористического сообщества. Лица с описываемыми свойствами оптимально могут найти «применение» в разовых акциях, в том числе в суицидальных.

Теоретическая состоятельность и ценность. Рассматриваемая теория фактически должна являться исследовательским аутсайдером ввиду ее кажущейся нелогичности. В самом деле, какова вероятность существования в цивилизации XXI в. сложного социального феномена, не имеющего один или несколько центров организации / координации? К сожалению, рассматриваемая теория исследовательским аутсайдером сегодня не является. Многие, если не большая часть исследователей, в своих работах обходят вниманием организационный уровень террористических организаций либо пишут о нем на уровне общих фраз. С одной стороны, не может сложная организация (власть) не иметь скрытых рычагов управления ситуацией (населением). Одновременно с этим не могут спецслужбы одного государства не задействовать потенциал протестных настроений в другом государстве-конкуренте. Утверждать обратное просто смешно. С другой стороны, проведение исследований в данном направлении по умолчанию непатриотично как минимум или чревато обвинениями в экстремизме как максимум.

Для криминологов данная теория интересна как феномен возникновения исследовательских мифов. Мифология давно стала объектом научного исследования в медицине (новые «смертельные» болезни), истории (новое прочтение исторических реалий), экономике (денежная эмиссия, экономические «законы»), политологии (криптократическое устройство власти). Неудивительно, что криминология не стала исключением, и многие мифы подлежат научному рассмотрению.

Практическая ценность и область применения. Будучи подтвержденной, данная теория предопределяет целесообразность разработки целого комплекса мероприятий, направленных прежде всего на воздействие на наиболее уязвимое место террористического сообщества – банковские подструктуры террористического сообщества и резидентов иностранных разведок.

Эмпирическая состоятельность не подтверждается при анализе всей совокупности преступников-террористов различных видов как единого целого, во всяком случае применительно к реалиям Российской Федерации. Справедливости ради отметим, что ряд исследователей полагают, что в рамках стратегии «безлидерского» сопротивления в последнее время

(с 2006 г.) совершается 70% всех убийств, осуществленных в результате террористической активности, и это количество неуклонно растет [11. С. 188–189]. Исследователи не утверждают, что в террористических сообществах нет единых координационных центров (банки и спецслужбы), они указывают, что в процессе расследования преступлений террористической направленности выйти на координационные центры в большинстве случаев не представляется возможным. Сказанное проистекает не столько из профессионального уровня работников правоохранительных органов, сколько из отсутствия социального заказа на противодействие терроризму на уровне координационных центров.

Сильные стороны теории – исчерпываемость объяснения, естественная логичность, простота и однозначность.

Слабые стороны теории проистекают из ее односторонности (сложно представить социальный феномен, детерминированный лишь одним фактором), объективной слабой проверяемости. Отметим, что рассматриваемая теория частично объективна, если рассматривать ситуацию, в которой предполагается реальное существование крайне небольшого количества преступников-террористов, не интегрированных в крупное террористическое сообщество («Приморские партизаны» – 2009–2010 гг., Приморский край; группа В. Квачкова – 2005 г., Подмосковье).

Политическая и доктринальная ангажированность. Политическая ангажированность крайне низка ввиду некоторой экстремальности данной теории, так как она противоречит самой идее благодати власти в государстве и объективности только ее позитивного отношения к населению. О доктринальной ангажированности говорить сложно ввиду того, что рассматриваемый вариант выходит за рамки привычных представлений не только обывателя, но и академического исследователя.

Современное состояние и перспективы развития – на уровне постановки научной проблемы, без реальных перспектив развития.

Разнообразие поведенческих и личностных особенностей преступника-террориста исключает возможность объяснения их природы в рамках одной, какой бы то ни было детальной, теории.

Все описанные теории имеют достаточный уровень теоретического и практического обоснования. Недопустима переоценка ценности как отдельной теории, так и отдельного направления исследования преступников-террористов.

Литература

1. Мельникова А.А. Терроризм: исследование феномена и современной специфики // Вестник Забайкальского государственного университета. 2020. Т. 26, №1. С. 108–113
2. Wright J.P. Inconvenient truths: science, race, and crime // Contemporary bio-social criminality / ed. by A. Walsh, K.M. Beaver. New York : Routledge, 2009. P. 137–153.
3. Theories of crime / ed. by I. Marsh. New York : Routledge, 2006. 205 p.
4. Morrall P. Murder and society. Chichester : John Wiley & Sons Ltd, 2006. 208 p.

5. Старшиков Ю.В. Стилиевые детерминанты противоправного агрессивного поведения личности : дис. ... канд. психол. наук. Сочи, 2004. 156 с.
6. Валиуллина Е.В., Шиллер В.В., Боровикова З.В. Психологические особенности толерантности коммуникативного контроля и моральной нормативности лиц, осужденных за экстремизм и терроризм // Вестник общественных и гуманитарных наук. 2020. Т. 1, № 4. С. 55–59.
7. Кашников Б.Н. Гуманитарный терроризм как высшая и последняя стадия асимметричной войны // Философские науки. 2020. Т. 63, № 1. С. 66–84.
8. Старков О.В. Криминальная субкультура. М. : Волтерс Клувер, 2010. 240 с
9. Анисимков В.М. Тюремная община: «вехи» истории: историко-публицистическое повествование. М. : Отечество, 1993. 72 с.
10. Ольшанский Д.В. Психология террора. Екатеринбург : Дел. кн. ; М. : Акад. проект : ОППЛ, 2020. 320 с.
11. Новикова О.Н. Терроризм «одиноких волков» // Актуальные проблемы Европы. 2017. № 4. С. 188–207.

Akhmedshin Ramil L., Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation), *Akhmedshina Natalya V.*, Tomsk University of Control Systems and Radio Electronics (Tomsk, Russian Federation)

SOCIAL THEORIES OF CAUSALITY OF TERRORISM OFFENCES

Keywords: terrorism, criminological theory, terrorism offences.

DOI: 10.17223/22253513/42/2

The article deals with the algorithm for assessing the research value of individual theories of causality of terrorism offences. Various research schools developed several main directions, which explain the reasons for terrorism offences. Mostly, these theories are convincing both theoretically and empirically, and it is problematic to explain many of them. The result of the study is the analysis of the strengths and weaknesses of social theories of the causality of terrorism offences.

In the study, we used such general scientific methods as analysis, synthesis, and a system – structural method. We also used such specific scientific methods as biographical analysis, statistical analysis, comparative-historical and expert assessment.

The article comes to several conclusions below.

Among the factors, with the help of which it is advisable to determine the value of the theory of causality of terrorism offences were political and doctrinal biases.

Political and doctrinal biases were among the factors by which it is advisable to determine the value of the theory of causality for terrorist-related crimes.

The political bias of a criminological theory is compliance with the needs and perception of the world of the most active social groups that form the social request to the science from society.

The doctrinal bias of the criminological theory is the conformity to the interests and the main provisions of the doctrine as a source of law and legal science.

The theory of anomy by E. Durkheim cannot apply to terrorism. Within the framework of this theory, one of the basic statements is the idea that crime can be a factor in integrating society, the strengthening of social ties. It is difficult to see an integrative social component in modern revolutionary separatist and expansionist.

The theories of differentiated communication of E. Sutherland and D. Cressey concerning terrorism are not applicable. The principal postulate of this theory says that the more a person interacts with the criminal environment, the higher is the probability of his antisocial infestation. However, the thesis that most terrorists come from a criminal or close to a criminal environment is not confirmed by anything, even if we talk only about the ordinary members of terrorist organizations.

The research vector, focused on the multifactorial analysis of criminological theories, will contribute to their deeper scientific understanding at the theoretical level, and more effective application at the practical one. One of the main ideas is the thesis about the targeting of each theory of the causality of terrorism offences.

References

1. Melnikova, A.A. (2020) Terrorism: a study of the phenomenon and contemporary specifics. *Vestnik Zabaykal'skogo gosudarstvennogo universiteta*. 26(1). pp. 108–113. (In Russian). DOI: 10.21209/2227-9245-2020-26-1-108-113
2. Wright, J.P. (2009) Inconvenient truths: science, race, and crime. In: Walsh, A. & Beaver, K.M. (eds) *Contemporary bio-social criminality*. New York: Routledge. pp. 137–153.
3. Marsh, I. (ed.) (2006) *Theories of Crime*. New York: Routledge.
4. Morrall, P. (2006) *Murder and Society*. Chichester: John Wiley & Sons Ltd.
5. Starshikov, Yu.V. (2004) *Stilevye determinanty protivopravnogo agressivnogo povedeniya lichnosti* [Stylistic determinants of illegal aggressive behavior of a personality]. Psychology Cand. Diss. Sochi.
6. Valiullina, E.V., Shiller, V.V. & Borovikova, Z.V. (2020) Psychological features of tolerance, communicative control and moral normativity of persons convicted of extremism and terrorism. *Vestnik obshchestvennykh i gumanitarnykh nauk*. 1(4). pp. 55–59. (In Russian).
7. Kashnikov, B.N. (2020) Humanitarian Terrorism as a Higher and Last Stage of Asymmetric War. *Filosofskie nauki – Russian Journal of Philosophical Science*. 63(1). pp. 66–84. (In Russian). DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-1-66-84
8. Starkov, O.V. (2010) *Kriminal'naya subkul'tura* [Criminal Subculture]. Moscow: Walters Kluver.
9. Anisimov, V.M. (1993) *Tyuremnaya obshchina: "vekhi" istorii: istoriko-publitsisticheskoe povestvovanie* [Prison community: "milestones" of history: historical and journalistic narration]. Moscow: Otechestvo.
10. Olshansky, D.V. (2020) *Psikhologiya terrora* [The Psychology of Terror]. Ekaterinburg: Del. kn.; Moscow: Akad. proekt: OPPL.
11. Novikova, O.N. (2017) Terrorism "odinokikh volkov" [Terrorism of "lone wolves"]. *Aktual'nye problemy Evropy – Current Problems of Europe*. 4. pp. 188–207.